

Е.В. Барина

АНГЛИЯ В ПРОЗЕ СИЛЬВИИ ПЛАТ: ОПЫТ ИМАГОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Имя Сильвии Плат, американской писательницы и поэтессы, часто ассоциируется именно с Англией. Важная часть ее жизни проходит в этой стране. Образ Англии в творчестве Плат всегда носит амбивалентный характер. С одной стороны, в ассоциативное поле концепта «английское» входят английская литература, Шекспир, английская поэзия. С другой стороны, это страна, всегда поражавшая писательницу своим консерватизмом, снобизмом, чопорностью и холодом. Все эти оттенки «английского» находят отражение в прозе Плат.

Ключевые слова: Сильвия Плат, концепт, амбивалентность, «свое», «чужое», рецепция, Англия.

Сильвия Плат уже при жизни стала довольно заметной фигурой в литературном мире США и Великобритании, хотя настоящая слава пришла к ней уже посмертно, после того, как в свет вышел ее единственный роман «Под стеклянным колпаком» (*The Bell Jar*), который Плат, неуверенная в своем таланте прозаика, изначально публикует под псевдонимом Виктория Лукас. После трагической гибели поэтессы в феврале 1963 г. вокруг ее жизни и творчества поднимается зачастую нездоровый ажиотаж, феминистки буквально провозглашают Плат одной из своих икон, начинаются бесконечные копания в личной жизни Плат и Теда Хьюза, муссируется ее самоубийство и возможные причины подобного поступка. Все это определило основные векторы исследования творческого наследия Плат на Западе.

Российские читатели узнают о творчестве Сильвии Плат гораздо позже. Роман «Под стеклянным колпаком» вышел в русском переводе только в 2000 г., а в 2008 г. был опубликован сборник ее стихотворений в переводе Василия Бетаки. Неудивительно, что список трудов, посвященных Плат в отечественном литературоведении, чрезвычайно скромен. Помимо нескольких статей по отдельным ас-

пектам творчества поэтессы, стоит упомянуть диссертацию Е.К. Герасимовой «Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат: конец 50-х – начало 60-х гг.» 2007 г., ставшую первой попыткой полного и систематизированного анализа творчества писательницы. Рецепция Сильвией Плат английской культуры, литературы и быта не подвергалась отдельному исследованию, ограничиваясь рассмотрением взаимодействия Плат с английской литературой, а именно рецепции творчества Теда Хьюза.

В данной статье речь идет как раз о разнообразных и многослойных образах Англии и «английского», возникающих в произведениях Плат, при этом упор делается на прозу писательницы. Работа продолжает исследование, начатое в статье, посвященной концепту «английское» в творчестве Сильвии Плат [1].

Американская поэтесса и писательница Сильвия Плат – яркий пример симбиоза жизни и творчества, где биография неотделима от искусства. Самые незначительные события и бытовые обстоятельства могли послужить толчком для воображения, найти отражение в письмах, дневниковых записях, стихах. Все, вышедшее из-под пера Плат, – единый эготекст. Переезд через Атлантику и жизнь в Англии во многом стали поворотным моментом в жизни и творчестве поэтессы. Образ Англии складывается на основании личных впечатлений, существовавших на тот момент стереотипов, литературных источников и новых медиа, среди которых особое место занимали кино и реклама.

Данное исследование представляется актуальным, так как оно не только позволяет пролить свет на некоторые моменты творчества Сильвии Плат, но также понять, что представляла собой Англия в глазах американцев в 50–60-е гг. прошлого века. Несмотря на нестандартное восприятие мира, Плат тем не менее проецирует в своем творчестве многие существовавшие на тот момент стереотипы, некоторые из которых и сегодня не утратили своей актуальности. Несмотря на телевизионный бум, начавшийся во второй половине XX в., а также развитие других средств передачи информации, именно литература остается наиболее емким источником знаний и образов, аккумулируя в себе все богатство не только современной ей реальности, но и предшествующей традиции. Томас Бляйхер, рассуждая об имагологии, отмечает, что «твердо стоит только отметить,

что оба упомянутые средства массовой информации [газеты и телевидение] в настоящее время занимаются этой темой. Однако очевидно, что эта тема традиционно отражается в литературе» [2. S. 12].

Всю жизнь Плат интересовалась культурой и политикой других стран, среди которых необходимо особенно отметить Германию, Россию и Англию. В каждом случае причины подобного интереса уникальны. С Германией Плат связывали в буквальном смысле кровные узы, Россия привлекала сложными политическими процессами (американская пропаганда в годы холодной войны, скорее, подогревала этот интерес) и, конечно, литературой, Англия в течение значительного периода времени стала для Плат домом. При этом Россия и Англия неожиданным образом переплетаются в судьбе поэтессы. За выпускную работу в Смит колледже «Волшебное зеркало: двойники в романах Достоевского» Плат получает грант по программе Фулбрайта на обучение в Кембридже, Великобритания. Таким образом, интерес к русской литературе дает поэтессе уникальный шанс познакомиться с культурой английской, составить о ней представление «изнутри».

В истории человечества нередки примеры, когда собственная картина мира, «свое» дополняется положительными чертами «чужого» без опасности потерять собственный колорит, национальную идентичность. Или, напротив, «чужое» отторгается, так никогда и не став «своим». Взаимоотношения Сильвии Плат и Англии с самого начала носили двойственный, противоречивый характер. Признавая авторитет многих английских авторов, восхищаясь Шекспиром и Йетсом, она при этом не могла принять некоторых национальных особенностей англичан, которые ей, американке, остались чуждыми даже после брака с англичанином и нескольких лет, проведенных в этой стране.

Жизнь в Англии, знакомство с англичанами, их обычаями и традициями наложили отпечаток на творчество Плат, на образы и даже язык, который поэтесса использует для создания своих сложных и многослойных текстов. Начиная с 1956 г. «английское» становится неотделимым как от биографии, так и от творчества Плат.

Приехав в Кембридж, Плат старается полностью погрузиться в литературу и культуру, которые она начала изучать еще в Америке. В феврале 1956 г. на вечеринке в честь выхода в свет литературного

альманаха «St. Botolph's Review» Плат знакомится с поэтом Тедом Хьюзом, стихи которого она прочла незадолго до этой встречи. Через 4 месяца, 16 июня 1956 г., они женятся. Даже дата, выбранная молодыми для бракосочетания, перенасыщена литературными ассоциациями, так как для всех людей, так или иначе связанных с литературой, 16 июня известно как «Блумсдэй», или «День Блума», в честь главного героя романа Джеймса Джойса «Улисс», действие которого происходит именно 16 июня. Свадьба состоялась в Лондоне.

С этого времени прослеживается растущее влияние английской литературной традиции, отразившееся в таких стихотворениях, как «Грозовой перевал» и «Долина Хардкастл». Изначально в ассоциативное поле концепта «английское» у Плат входит английская литература, к образам которой писательница часто обращается в стихах и прозе. Даже смерть Плат имеет косвенное отношение к британской литературе, так как она ушла из жизни в доме, где жил Уильям Йейтс, перед творчеством которого так преклонялась Плат.

Литературное влияние в немалой степени обусловлено и влиянием самого Хьюза. Тед Хьюз пишет, что именно в 1956 г., в год знакомства с ним, начинается зрелый период творчества Плат, «потому что позднее в этом году появились первые стихотворения ее первого сборника “Колосс”. И с этого времени я работал рядом и наблюдал, как стихи выходят из-под ее пера» (перевод мой. – Е.В.) [З. Р. 16]. Многие исследователи считают подобное заявление слишком самоуверенным, не соглашались с отнесением всех стихов Плат, написанных до 1956 г., к незрелым и ученическим (Хьюз объединил их под названием «Juvenilia» и поместил в конец книги).

Английская литература, как классическая, так и современная Плат, безусловно, проникает в ассоциативное поле концепта «английское», однако не является доминирующей. Очень часто Плат интересуется именно бытовая сторона жизни: обычаи, нравы, менталитет. При относительной общности языка здесь перед ней открылись вещи, порой диаметрально противоположные ее американскому воспитанию и сложившемуся на родине мировоззрению.

После свадьбы Плат и Хьюз живут в Англии, время от времени навещают родственников Хьюза в Йоркшире. Теперь Сильвия Плат ежедневно сталкивается с различными проявлениями английского, в том числе в языке. Английский язык, и особенно язык поэзии, от-

личается от американского варианта как лексикой, так и ритмом. Эти формальные, внешние признаки проявляются в стихах Плат кембриджского периода – становится длиннее строка, появляются английские варианты слов. Как объясняет исследовательница творчества Плат Трейси Брейн, Плат была поражена некоторыми особенностями английского языка. Так, в трех первых стихотворениях, написанных в 1956 г. и вошедших в сборник «The Collected Poems», Плат использует слово «took», которое является английским эквивалентом американского «gave». Брейн так комментирует это пристрастие поэтессы к англицизмам: «Создается впечатление, что Плат наслаждается, играя тем, что она считает своим новым английским лексиконом, – новой игрушкой» (перевод мой. – *Е.Б.*) [4. Р. 54]. Однако если мы внимательно прочтем дневники и стихи этого периода, станет ясно, что перед нами не просто игра, а серьезная и осмысленная рецепция новой культуры, осуществлявшаяся в немалой степени через язык. Среди первых впечатлений от Англии, описанных в письмах матери, был «до истерики забавный официант, говоривший на кокни» (здесь и далее перевод писем и дневников мой. – *Е.Б.*) [5. Р. 182]. Все, что касается диалектов, Сильвия Плат ревностно подмечает и зачастую использует в текстах, стремясь звучать «по-английски».

Очевидно, с самого начала «английское» не представляется Сильвии Плат как некое «чужое», напротив, впервые приехав в Кембридж, она буквально задыхается от счастья при виде всего того, что станет позже мрачным и удушливым. Плат приезжает в Англию, преисполненная восторга и надежд, однако, как пишет Трейси Брейн, это настроение продлилось «чуть больше дня». Очень скоро англичане начинают ассоциироваться со строгостью, мрачностью, бедностью, зажатостью, как материальной, так и эмоциональной [4. Р. 55].

Возможно, сведение эйфории лишь к быстротечному яркому мгновению является некоторым преувеличением. Письма и дневниковые записи наводят на мысль, что два года, которые Плат проводит в Кембридже, становятся самыми насыщенными и счастливыми в ее жизни. В письме матери от 25 сентября 1955 г. она восклицает: «О, мама, на каждой аллее здесь толпятся традиции, древность, и я могу почувствовать мир, сдержанность, отсутствие суеты <...>» [5. Р. 182]. По иронии судьбы, именно покой, сдержанность, переходящая в суровость, и приверженность традиции превратятся позже в

сплошной кошмар, навсегда войдя в ассоциативное поле концепта «английское» у Плат со знаком минус.

Исследование данной темы усложняется тем фактом, что, если доверять свидетельствам родных и близких Плат, она не всегда является в полной мере надежным рассказчиком. Существует множество примеров, когда она, сознательно или бессознательно, увлекшись процессом творческого пересоздания мира, вводит читателя в заблуждение. Яркий пример подобной трансформации реальности приводит Аурелия Плат, мать Сильвии, в предисловии к книге писем дочери. Аурелия уже на первой странице обращает внимание читателей на то, что ее дочь в своих текстах время от времени выдавала эпизоды из жизни матери за свои собственные, но это была не единственная подмена. После рождения Уоррена, когда Аурелия должна была почти все время уделять младшему ребенку, с рождения отличавшемуся слабым здоровьем, Сильвия значительную часть времени жила с бабушкой и дедушкой. Дед подолгу с ней играл и брал ее с собой плавать, что позже Сильвия вспоминала как эпизод с «папочкой» [5. Р. 22]. Сомнения в искренности писательницы в ее письмах, адресованных матери, возникают также при сопоставлении их с дневниковыми записями за аналогичный период, которые содержат гораздо больше негативных эмоций и признаков неприятия Плат окружавшей ее действительности. Принимая во внимание все вышесказанное, анализ «английского» в настоящем исследовании опирается на тексты Плат, при этом задача разобраться в «правдивости» поэтессы не стоит, так как дать однозначный ответ, искренне или нет то или иное свидетельство, не представляется возможным. При этом будут приводиться указания на выявленные несоответствия, которые, однако, могут быть объяснены перепадами настроения Плат или иными внелитературными причинами.

С первых дней в Англии общий фон задает погода: «Дни, как правило, серые, свет идет как сквозь туман, пейзажи все в зеленой листве и серебристом тумане, как на полотнах Констебля» [Ibid. Р. 182]. Живописная ассоциация, возникающая в письме, совсем не является неожиданной, принимая во внимание визуальную чуткость поэтессы, долгое время всерьез рассматривавшей карьеру художницы. Плат никогда не переставала рисовать, а живописные полотна не раз становились отправными точками для ее стихотворений. В одном пред-

ложении дважды упоминается туман (mist, misty), однако в начале знакомства со страной Плат наделяет окружающую ее природу романтическими, поэтическими чертами, подчеркивает ее живописность. Даже самые неблагоприятные погодные условия в Англии вызывают у Плат неоднозначную оценку, по крайней мере в кембриджский период, когда она еще способна видеть достоинства в явлениях, которые позже будут неизменно отравлять ее жизнь. В дневниковой записи от 29 января 1956 г. Сильвия Плат пишет о Кембридже, причем употребляемые ей эпитеты, очевидно, относятся не только к погоде, но и к духу места вообще, к внутреннему ощущению, которое сложилось у Плат после нескольких месяцев в городе: «Кембридж, сырой, холодный, абстрактный, формальный как он есть – прекрасное место, чтобы писать, читать и работать – недалеко от лондонских театров и жизненных, движущих токов людей и искусства Европы» [5. Р. 212]. Активная культурная жизнь и включенность в общеевропейские культурные процессы мотивировали поэтессу.

В январе 1956 г. Сильвия Плат проводит каникулы во Франции. По возвращении в Англию она неоднократно сравнивает эти две страны, причем сравнения эти не в пользу Альбиона. В письме матери от 16 января 1956 г. Плат в одном абзаце чрезвычайно эмоционально выражает свое недовольство в отношении сразу нескольких аспектов жизни в Англии: «Это одновременно было и возвращение домой, и тяжелый опыт, возвращение к ужасной еде, сырому холоду и малосимпатичным людям (по сравнению с полными любви французами, которые являются родственными душами). Ты спрашиваешь о подругах: ну, английские девушки невозможны: интеллектуально блестящи в своих областях зоологии или математики, но эмоционально и социально похожи на нервных, перевозбужденных незрелых подростков <...>» [Ibid. Р. 207]. Уже в Кембридже Сильвия Плат сталкивается с трудностями при коммуникации с англичанами, и неудивительно, что в сельской местности проблемы общения только усугубятся.

Постепенно темные тона все более доминируют при описании впечатлений об Англии и английском, отношения со страной, которая должна была стать для Плат новым домом, становятся все напряженнее, и она прикладывает немалые усилия, чтобы это «чужое» сделать «своим», чего, вероятно, так до конца и не произошло.

Постепенно, с развитием семейной трагедии, у писательницы складывается чрезвычайно сложная и противоречивая связь с Англией.

В 1959 г., когда Сильвия Плат узнает, что ждет ребенка, семья окончательно переезжает в Англию. Сначала они живут в Лондоне, однако в 1961 г. становится ясно, что столичная жизнь им не по карману. Плат и Хьюз приобретают большой старый дом в деревушке Северный Тотон (North Tawton) в графстве Девон. Сельская жизнь оказывает на Плат особенно угнетающее влияние. Записи этого периода отражают ее чувства. У Сильвии уже двое детей. Сын Николас родился в начале 1962 г. Писательнице нелегко совмещать заботу о доме и детях с творческой деятельностью.

В этот период она особенно остро ощущает «чужое» начало в английской культуре. «Английское» не стало родным; она, как и прежде, американка, окруженная чужой природой и людьми. Матери она продолжает писать оптимистичные, светлые, порой даже веселые письма, однако в ее личных записях все очевиднее тоска и отчаяние, «отчаяние от того, что ее постоянно прерывают, от странных манер местных жителей» [6. Р. 11]. Непонятное, странное и порой враждебное поведение местных, необходимость подстраиваться под законы сельской жизни, – все английское окружение Плат становится еще более враждебным, когда возникают подозрения о неверности мужа, отношения с ним коренным образом меняются. Стихотворения этого периода, среди которых по эмоциональному накалу и выпуклости образов особенно выделяются «Elm», «The Rabbit Catcher», «Event», «Crossing the Water», проникнуты отчаянием. Ведущей темой становится непостоянство любви. Крах семейной жизни не мог не повлиять на ее отношение в Англии. В концепт «английское» навсегда проникают такие составляющие, как враждебность, непостоянство, измена.

Сборник прозаических произведений «Johny Panic and the Bible of Dreams» вышел в свет в 1977 г. в редакции Теда Хьюза. Помимо рассказов в него вошли некоторые статьи, написанные для периодических изданий, а также дневниковые записи. В третью часть книги вошли заметки, датированные февралем 1956 г. и написанные в Кембридже. Именно к ним представляется логичным обратиться в первую очередь, так как они отражают первый опыт непосредственного, личного знакомства Плат с Англией. Возможно, Кембридж не

может считаться типичным английским городом из-за своего интернационального колорита, обусловленного наличием в городе одного из самых известных и престижных в Англии университетов. Тем не менее уже здесь у поэтессы сложились определенные представления о стране, которой на несколько лет предстояло стать ее домом.

Итак, перед нами февраль, за несколько лет до того, другого английского февраля, когда оборвалась жизнь Плат. Одна из доминирующих ассоциаций, возникающих с первых страниц заметок, – холод. Но если тогда, в последнюю зиму, по многим свидетельствам, одну из самых холодных в Англии за несколько лет, Плат не выдерживает, то здесь она еще полна энтузиазма и любопытства, она играет, наблюдает, знакомится. «Я довольно высокая, и отстраненная, и так удобно идти домой через заснеженные поля. Очень холодно <...>» [7. Р. 203]. Холод первой поры в Англии иногда ассоциируется со здоровьем, румянцем, свежестью и бодростью зимнего дня: «<...> мгновение радости, когда снежинки запутываются в развевающихся волосах, чувство румяности и здоровья. Пожалела, что не вышла раньше, чтобы немного помедлить <...>» [8. Р. 203]. Но со временем это желание «помедлить» (*linger*), задержаться, насладиться зимней прелестью исчезает, на смену приходят болезни, усталость, раздражение, безысходность.

По сути, амбивалентность восприятия прослеживается иногда в записях, датированных одним числом. Тогда же, в понедельник, 20 февраля 1956 г., восхищаясь английской сельской местностью, где Плат с удовольствием гуляла, и английской природой в целом, поэтесса пишет: «Спокойной ночи, принцесса. Ты по-прежнему сама по себе; будь стойкой; не паникуй; прорвись через весь этот ад к щедрой, сладкой, утопающей в цветах весне, дарящей любовь» [8. Р. 205]. Английская погода зачастую полностью убивает очарование английской природы, а физический холод в окружающей среде Плат часто переносит на людей вокруг, превращая его в одну из доминирующих черт английского характера. Уже в первую зиму в Англии болезнь постоянно упоминается в дневниках. Так, в том же феврале 1956 г. Плат пишет: «В любом случае, я устала <...> Паршивый гайморит, притупивший все мои чувства, заложенный нос, неспособность ощущать вкус и что-то видеть слезящимися глазами, или даже слышать, что хуже всего, почти». И чуть ниже снова звучит рефреном:

«Ужасный, красный нос, нет сил» [7. Р. 213]. Физическое недомогание в случае Плат часто лишает сил душевных, лишает поэтессу воли, вгоняет в отчаяние. И виной всему английская погода.

В произведениях Сильвии Плат реальный, физический холод английской зимы также постепенно окрашивает внутренний мир англичан, национальный характер в понимании Плат. Так, в рассказе «Матери» («Mothers») писательница затрагивает тему англиканской церкви, проблему отношения церкви к разведенной женщине. Холод, осуждение, отторжение – доминирующие мотивы рассказа.

В рассказе возникает четкое противопоставление «свое – чужое», где Англия ассоциируется именно с чужим. Эстер, американка, живет в Девоне и на каждом шагу ощущает давящий, чужеродный характер жизни и нравов местных жителей. География рассказа неслучайна – именно в Девон перебирается семья Плат после рождения второго ребенка.

В разговоре с миссис Нолан, живущей в городке уже шесть лет, Эстер с отчаянием понимает, что даже эта англичанка чувствует себя чужой в окружающем замкнутом мире, где все друг друга знают и люди заходят в дом без стука. «Если миссис Нолан, англичанка по внешности и произношению, да к тому же жена владельца паба, чувствовала себя чужой в Девоне после прожитых здесь шести лет, какая надежда могла быть у Эстер, американки, когда-нибудь просочиться в это устоявшееся сообщество?» (перевод мой. – Е.Б.) – проносится в голове Эстер, и сердце ее сжимается от тоски [Ibid. Р. 108]. Эти строки – крик души Плат, подавленной затянувшейся эмиграцией, некогда столь заманчивой, но с годами превратившейся в тяжкие оковы отчуждения и непонимания.

В этой связи привлекает внимание эпитет *rooted*, характеризующий сообщество обитателей Девона. Это жизнь, имеющая традиции, корни, уходящие глубоко в землю. Но именно эта «укорененность» воспринимается американским сознанием как стагнация, отсутствие движения, развития, удушающая стабильность существования. Картина становится еще более мрачной и безысходной при появлении других женщин, идущих в церковь на собрание Материнского комитета (Mothers' Union), женщин, которые, все без исключения, выглядели «gnarled and old» (грубыми и старыми) [Ibid. Р. 108], гармонично растворяясь в общей атмосфере заскорузлости и обветшалости.

Интересно, что еще на пути в Кембридж, сойдя с корабля во Франции, Сильвия сама мечтает «пустить корни» в Кембридже, обрести новый дом и новых друзей: «Я представляю, что, как только я пущу корни [put down roots] в Кембридже, радости моей не будет конца» [5. Р. 183]. Данная мысль дословно повторяется в письме матери от 3 октября 1955 г. (спустя чуть больше недели от процитированного выше): «Я чувствую, что как только я пущу здесь корни, я буду счастливее, чем когда бы то ни было» [Ibid. Р. 184]. При этом уже здесь, в первые дни после прибытия Сильвии Плат в Англию, у пытливого читателя зарождаются сомнения в ее искренности. Она постоянно говорит о будущем, оговаривает условия, при которых станет возможным ее счастье, но вряд ли она счастлива в те минуты, когда пишет эти строки. Выше уже говорилось о том, что Сильвия не всегда была надежным рассказчиком, и не раз строки из ее писем или дневников оказываются вымыслом, преувеличением или творческим переживанием реальности. Так, даже в дни болезней и отчаяния письма к матери сохраняют оптимизм и жизнерадостность.

Однако вернемся от самой Сильвии к героине ее рассказа, с которой ее создательницу многое объединяет. Все попытки влиться в окружающее сообщество Эстер ощущает как притворные с оттенком лицемерия (hypocritical) [7. Р. 109]. Письма и дневниковые записи поэтессы свидетельствуют о том, что именно так чувствовала себя Сильвия Плат в английский период жизни. Если культура страны зачастую являлась источником новых идей и вдохновения, то бытовая сторона, напротив, производила на поэтессу впечатление депрессивной безысходности. К бытовым неурядицам и проблемам в личной жизни добавились и пресловутый английский климат, непривычная пища, отсутствие друзей. Плат все яснее и яснее осознает огромную разницу между английской и американской культурами, которая постепенно превратилась для нее в бездну, все попытки преодолеть которую оказались тщетными.

В эссе «Америка! Америка!» англичане упоминаются как предтечи американского народа, затерявшиеся среди великого множества национальностей, проживавших в Америке в начале XX в. – в эпоху, о которой пишет в данной работе Сильвия Плат. Вспоминая родной прибрежный городок, где прошли первые годы ее жизни, Плат описывает его следующим образом: «<...> огромный шумный мешок

с кошками, где были ирландские католики, немецкие евреи, шведы, негры, итальянцы и те редкие, чистые капли с “Мейфлауэр” – англичане» (перевод мой. – Е.Б.) [7. Р. 34]. Плат выделяет англичан из всей этнической пестроты, окружавшей ее в детстве. Англичане характеризуются как «редкие» (rare) и «чистые» (pure). Действительно, к началу XX в. потомки первых переселенцев составляли незначительный процент населения Америки, растворившись в толпе более поздних волн эмиграции. Что касается «чистоты», тут очевидна отсылка к их пуританскому вероисповеданию и образу жизни. Как известно, пуританство – образ жизни, для которого характерны крайняя строгость и аскетизм. Таким образом, вы вновь возвращаетесь к ассоциациям концепта «английское», рассмотренным на примере рассказа «Матери». В мировосприятии Плат пуританизм часто граничит с неискренностью, лицемерием, жестокостью, так как сама пуританская идеология не допускает измены, с которой поэтесса столкнулась в Англии. Хотя Плат родилась и жила в Америке, однако из-за своих немецких корней она никогда не отождествляла себя с потомками первых пуритан и не чувствовала себя наследницей их мировоззрения и жизненного уклада. Те редкие англичане в Америке, о которых идет речь в эссе, принадлежат к сфере «чужого».

Вернемся к письмам Плат «английского» периода. Выше уже приводились ее впечатления от первого знакомства с Англией, куда она прибыла через Францию. Всего несколько месяцев спустя Сильвия отправляется во Францию на зимние каникулы и по возвращении описывает уже совсем другую Англию, многие недостатки которой становятся столь очевидными на контрасте со всем французским, так очаровавшим поэтессу: «С одной стороны, я дома, с другой – очень трудно возвращаться к отвратительной еде, пронизывающему холоду, несимпатичным людям <...>» [5. Р. 207]. В это время Сильвия ощущает первые приступы тоски по дому, и недостатки жизни в Англии становятся особенно заметными. В ее жизни еще нет Теда Хьюза, и одиночество вносит свои коррективы в восприятие этой все еще новой для нее страны. Но приходит апрель, приносит тепло и знакомство с Хьюзом, и вот уже совсем иная Англия предстает перед нами в письме от 23 апреля 1956 г.: «Здесь Рай, и люди просто сияют <...>» [Ibid. Р. 239]. В дневниковой записи от 25 февраля 1956 г. Плат записывает, возможно, одно из самых исчерпывающих ощущение

ний от Англии, где все грани образа страны, существовавшие в сознании поэтессы, находят отражение в одной единственной фразе: «Я чувствовала себя запертой, заключенной в тюрьму, осознавая [aware], что все вокруг было прекрасно и потрясающе красиво, но слишком поглощенная болью, чтобы откликнуться и стать частью этого» [8. Р. 208]. Разумом Плат понимает, что Кембридж – место удивительное, и что ей выпал уникальный шанс получить образование в одном из лучших университетов Англии, однако чувства и эмоции приносят горечь и неприятие.

Англия Сильвии Плат – явление неоднозначное, страна, отношение поэтессы к которой напрямую обусловлено обстоятельствами личной жизни Плат, ее настроением. Англия становится неотъемлемой частью эготекста поэтессы, к которому можно отнести все ее творчество. В самом начале отношений с Тедом Хьюзом, когда Плат безгранично счастлива, Англия видится ей едва ли не раем на земле, и даже недостатки Альбиона в восприятии Плат превращаются в достоинства. Стоит Хьюзу охладеть к жене и уйти к другой женщине, как Англия погружается в безнадежные, враждебные серость и холод. Очевидно, с самого начала «английское» представляется Сильвии Плат как некое «чужое», и она прикладывает немалые усилия, чтобы это «чужое» сделать своим. Многие представления Плат об Англии носят стереотипный характер, однако в осмыслении поэтессы она приобретают индивидуальные черты, становясь неотъемлемой частью ее внутреннего мира и находя отражение в ее творчестве.

Литература

1. *Баринова Е.В.* Концепт «английское» в прозе Сильвии Плат // Сучасні літературознавчі студії / Contemporary Literary Studies. Киев, 2015. Вып. 12. С. 30–40.
2. *Bleicher Th.* Elemente einer komparatistischen Imagologie // Komparatistische Hefte. Bayreuth, 1980. Heft 2: Literarische Imagologie – Formen und Funktionen nationaler Stereotype in der Literatur. S. 12–23.
3. *Plath S.* Collected Poems / ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. 351 p.
4. *Brain T.* The Other Sylvia Plath. Harlow: Longman, 2001. 238 p.
5. *Plath S.* Letters Home: Correspondence 1950–1963 / ed. Aurelia Plath. London: Faber and Faber, 1976. 502 p.

6. The Cambridge Introduction to Sylvia Plath / Jo Jill (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 152 p.

7. *Plath S. Johnny Panic and the Bible of Dreams*. London: Faber and Faber, 1977. 352 p.

8. *Plath S. The Journals. 1950–1962* / ed. by Karen V. Kukil. London: Faber and Faber, 2000. 732 p.

ENGLAND IN SYLVIA PLATH'S PROSE: AN ATTEMPT OF IMAGOLOGICAL ANALYSIS

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 13, pp. 173–187. DOI: 10.17223/24099554/13/10

Ekaterina V. Barinova, High School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: kbarinova@yandex.ru

Keywords: Sylvia Plath, concept, ambivalence, “self”, “other”, reception, England.

The name of Sylvia Plath, an American writer and poet, is often associated with England. A significant part of her life was connected with this country. In Russia, Plath's oeuvre remains relatively unexplored. In addition to several articles on certain aspects of the poet's work, it is worth mentioning Ekaterina Gerasimova's thesis “The Artistic World of Poetry and Prose of Sylvia Plath: Late '50s – Early '60s” (2007), which became the first attempt of a systematic analysis of the writer's work. Plath's reception of English culture, literature and everyday life has never been studied separately, while scholars limited their interest to the relationships between Plath with English literature in the person of Ted Hughes. The object of this article is Plath's prose, including short stories, journals, as well as letters addressed mainly to her mother and brother. The study of this topic is complicated by the fact that, if we trust the testimony of Plath's relatives and friends, she cannot always be considered a fully reliable narrator. There are many examples when she, consciously or unconsciously, being carried away by the artistic re-creation of the world, misleads the reader. The evidence contained in the journal entries can be diametrically opposite to the impressions contained in Plath's letters. Life in England, getting familiar with the British, their customs and traditions have left their mark on Plath's creativity, images and even the language that the poet uses to create her complex and multi-layered texts. Since 1956, “English” has become inseparable from both the biography and creativity of the author. The image of England is formed on the basis of personal impressions, stereotypes that existed at that time, literary sources and new media, among which a special place belongs to cinema and advertising. This study is relevant, as it not only sheds light on some aspects of Plath's work, but also helps to understand what England was in the eyes of the Americans in the 1950s–1960s. Despite the non-standard perception of the world, Plath, nevertheless, projects in her oeuvre many stereotypes that existed at that time, some of which have not lost their relevance even today. The image of England in Plath's works is always ambivalent. On the one hand, the concept “Englishness” includes such associations as English literature, Shakespeare, English

poetry. On the other hand, the country always bewildered Plath by its conservatism, snobbery, stiffness and cold. All those shades of “Englishness” are traced in Sylvia Plath’s prose, having become an integral part of her ego-text.

References

1. Barinova, E.V. (2015) Kontsept “angliyskoe” v proze Sil’vii Plat [The Concept “English” in the Prose of Sylvia Plath]. *Suchasni literaturoznavchi studii – Contemporary Literary Studies*. 12. pp. 30-40.
2. Bleicher, Th. (1980) Elemente einer komparatistischen Imagologie. *Komparatistische Hefte*. 2. pp. 12–23.
3. Plath, S. (1981) *Collected Poems*. New York: Harper and Row, Publishers.
4. Brain, T. (2001) *The Other Sylvia Plath*. Harlow: Longman.
5. Plath, S. (1976) *Letters Home: Correspondence 1950–1963*. London: Faber and Faber.
6. Jo, J. (ed.) (2008) *The Cambridge Introduction to Sylvia Plath*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Plath, S. (1977) *Johnny Panic and the Bible of Dreams*. London: Faber and Faber.
8. Plath, S. (2000) *The Journals. 1950 – 1962*. London: Faber and Faber.